

Х. Т. ХАНСЕН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТРЕМЛЕНИЯ
Юлиуса
ЭВОЛЫ

Х. Т. Хансен

**Политические устремления
Юлиуса Эвола**

«Терра Фолиата»

1989

Хансен Х. Т.

Политические устремления Юлиуса Эвола / Х. Т. Хансен —
«Терра Фолиата», 1989

ISBN 978-5-87456-321-4

Первая политическая биография знаменитого итальянского мыслителя на русском языке. Автор, известный австрийский исследователь творчества Ю. Эвола, планомерно обращается ко всем периодам жизни философа на фоне обширной панорамы исторических, политических, культурных событий первой половины XX века. Он подробно останавливается на «беспокойной» теме отношений мыслителя с фашизмом и национал-социализмом, в рамках которой большинство досужих интерпретаторов не только со стороны либералов, но и из традиционалистского лагеря упускают наиважнейшую компоненту – Трансцендентное.

ISBN 978-5-87456-321-4

© Хансен Х. Т., 1989

© Терра Фолиата, 1989

Содержание

Предисловие переводчика	6
Вступление	7
Решающие влияния на взгляды Эвола	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Х. Т. Хансен

Политические устремления Юлиуса Эволы

Издательство TERRA FOLIATA благодарит автора за поддержку.

The publishing house TERRA FOLIATA thanks Mr. Hakl for his support.

Перевод осуществлен по изданию: Dr. H.T. Hansen, *Julius Evola's political endeavors*. // Julius Evola, *Men among the ruins. Postwar reflection of radical traditionalist*, Rochester, Vermont, 2002.

© Hohenrain Verlag, Tübingen, 1989

© H.T. Hakl, 2009

© TERRA FOLIATA, издание на русском языке, 2009

© В. Проскуряков, перевод, предисловие, 2009

© Д. Зеленцов, общая редакция, 2009

© С. Сокол, оформление обложки, 2009

* * *

Предисловие переводчика

Человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек.

Аристотель. «Политика»

Эта книга является концентрированным и фундаментальным исследованием политического аспекта Пути «обособленного человека», последнего кшатрия темного века, барона Юлиуса Эволы, героико-вертикальную траекторию коего невозможно понять, не принимая в расчет господствовавший в первой половине XX века дух времени и те тревожные, глубинные, парадоксальные и страшные феномены, которые стали основанием реальной и тайной политики, закономерно приведшей мировую историю к окончательной победе парадигмы современности и вытеснению Традиции на периферию социума, за рамки «политкорректного» дискурса. Предвзятое отношение к Эволе (пришедшем в конце концов к концепции *аполитеи*, отходу от активной политики) со стороны как академических научных кругов, так и «гуманистически» ориентированных эзотерических организаций связано не столько со скандальной репутацией мага, язычника, алхимика, тантриста, буддиста и т. д., сколько с непосредственным его участием в разработке расовой доктрины фашистской Италии и тесными контактами с верхами Третьего рейха, причем значительные концептуальные расхождения между воззрениями философа и тенденциями правящих партий обычно упускаются из виду. В своей работе, которая изначально была написана как предисловие к немецкому изданию книги Эволы «Люди и руины», австрийский ученый, переводчик и издатель Х. Т. Хансен, один из ведущих знатоков жизни и творчества итальянского мыслителя, привлекает обширные цитаты из книг самого философа, из произведений повлиявших на него авторов, из высказываний оппонентов и власть предержащих тех лет и пытается, основываясь на фактах, реабилитировать и «дифференцировать» барона и его аристократическое мировоззрение, доказывая сущностную несовместимость трансцендентальной «духовной расовой доктрины» и Политического в его высшем значении не только с примитивным биологизмом расовых теорий двух самых одиозных тоталитарных режимов Европы, но и с современной плебейской политикой как таковой.

Вадим Проскуряков

Вступление

Многие отвергают идеи барона Юлиуса Эволы, чьи произведения получили широкую известность, отвергают в целом, совершенно их не изучив – из-за отношений мыслителя с фашизмом и национал-социализмом. Подобное неприятие затронуло даже его эзотерические сочинения, не имеющие никакого отношения к вопросам политики. Однако если проанализировать именно политическую деятельность Эволы, то можно выявить новые, зачастую неожиданные факты, которые будут способствовать лучшему пониманию всего творчества этого философа культуры.

Самый оптимальный способ помочь читателю составить независимое мнение о политическом пути Эволы – позволить как можно больше говорить самому философу и с осторожностью отнестись к прочим субъективным оценкам и интерпретациям. Поступая таким образом, мы уделили особое внимание текстам разных лет и различных творческих периодов.

Основная цель нашего исследования – показать, как Эвола пришел к своим высказываниям, зачастую кажушимся «скандальными»: какие из них можно приписать преобладавшему тогда духу времени, а какие – вывести из его «личного уравнения» (одно из любимых выражений философа, которое он применял для описания чьей-либо натуры), и установить, есть ли у него параллели с другими мыслителями. Данная работа создана в стремлении предоставить читателю произведений Эволы дополнительный инструментарий для толкования, с тем чтобы он мог сформировать собственное мнение об этом авторе.

С самого начала мы хотим подчеркнуть один момент: согласно Эволе, центром всех вещей является не человек, а Трансцендентное. Независимо от того, какой проблемы касается мыслитель, он всегда ищет прямую связь с Абсолютом, то есть с той областью, которая находится за пределами обычного человека. Ведь сегодня человек занят одним, а завтра – совершенно другим, тогда как в соответствии с точкой зрения Традиции, принципы, формирующие фундамент нашего мира, всегда остаются неизменными. Эволу интересует не то, что связано со временем, но то, что *над* временем, «вечное». (Этот абсолютный акцент на духовной сфере можно найти в произведениях других интеллектуалов того времени, например, у Мартина Хайдеггера.) Поэтому не стоит ожидать от него отстаивания распространенных ныне на Западе «гуманистических» ценностей – его мировоззрение в корне противоположно тем взглядам, к которым все привыкли. Поэтому мы не будем обсуждать вопрос, способны ли идеи Эволы служить решению бесчисленных сегодняшних проблем. Нас интересует исключительно изучение хода его мыслей.

Мы продемонстрируем, что даже Эвола, который почти не интересовался «низшими регионами» повседневной политики, подчинялся развитию собственных политических взглядов, связанных с различными периодами его жизни – огромна та пропасть, что разделяет написанную в юности книгу *«Языческий империализм»*,¹ и *аполитею*, тотально далекую от политики позицию зрелого мыслителя – при том, что своим основным принципам он никогда не изменял.

После знакомства с представленными здесь фактами каждый читатель должен будет определить сам ту дистанцию, которой он желает придерживаться относительно Эволы. Мы же добавим некоторые замечания о структуре исследования. Значительное место отдано мыслителям, повлиявшим на Эволу в юности, поскольку интеллектуальные основания более поздних, далеко идущих доктрин барона (двадцать пять книг, около трех сотен больших очерков и свыше тысячи статей в газетах и журналах) сформировались уже к двадцати пяти годам. Цитируя его «учителей», мы принимали во внимание только те работы, которые он знал и кото-

---

¹ Julius Evola, *Imperialismo pagano* (нем. издание: Julius Evola, *Heidnischer Imperialismus*, Leipzig, 1933).

рые прочитал в юности. Идентичность тона этих цитат и сущностных высказываний Эвола (особенно в книге *«Люди и руины»*) будет очевидна всем читателям философа. Этим мы не бросаем и тени сомнения на его уникальность, наоборот, стремимся документально проиллюстрировать царивший недавно интеллектуальный климат, будто бы принадлежащий всецело иной реальности, ставящей резкие вопросы о том, что сегодня мы считаем самоочевидным «гуманизмом», другому миру, идеи которого едва ли пригодны для обнародования в настоящее время. Далее следует освещение основной темы: Эвола и фашизм, Эвола и национал-социализм, а затем – его воззрения относительно расизма и евреев. Завершат наше исследование замечания о влиянии Эвола на итальянский неофашизм и краткое обсуждение «нравственного» вопроса.

Решающие влияния на взгляды Эвола

Джулио Чезаре Эвола² родился 19 мая 1898 года в семье поместного дворянина в Риме и был воспитан в строгом католическом духе. Из-за бунтарского нрава Эвола следствием такого воспитания стало его раннее знакомство с тогдашними ультрапрогрессивными поэтическими кругами, связанными с Филиппо Томмазо Маринетти и Джованни Папини. Как основатели футуризма они требовали полного разрыва с общепринятыми формами мышления и стиля. Вместо этого футуристы желали, чтобы современная жизнь понималась как движение, динамизм и вездесущая скорость, заменяющие категории пространства и времени. А известное восклицание Маринетти времен Первой мировой войны о «войне, единственной гигиене мира» произвело такой эффект на Эволу, что он пошел служить офицером-артиллеристом.

Сам Эвола пишет о Папини в своей автобиографии «*Путь киновари*» (названной так в честь китайского алхимического символа): «Конечно же, тот нигилизм, который поддерживает лишь «обнаженную» личность, личность, презиращую какую-либо помощь и выступающую против любых отговорок и ухищрений, должен производить впечатление на молодежь». ³ Эта мысль демонстрирует одну из важнейших черт характера Эвола: безоговорочную и воинственную антипатию ко всему буржуазному. Данное чувство могло решительно повлиять на жизненный путь Эвола: он не был женат, никогда не хотел иметь детей; ему был чужд образ жизни среднего класса; он отказался от изучения технических наук в университете перед последним вступительным экзаменом, несмотря на превосходные результаты на этом поприще (как пишет Эвола, только чтобы не стать «доктором» или «профессором», как прочие студенты). Таким образом, он даже не «бросал» учебу, поскольку никогда и не начинал учиться. Возможно, это стало следствием его воспитания, о котором мало что известно, поскольку сам философ очень редко упоминал о своей личной жизни даже в автобиографии, каковая касается исключительно развития идей барона – лишь «внутренняя жизнь» имела для него значение.

Недостаток подлинной глубины в футуризме, его «кричащий, показной» характер оказались в числе причин, побудивших Эволу отвернуться от этого движения. Хотя впечатление, произведенное на него фигурой Папини, осталось поистине неизгладимым – не только из-за борьбы с низкопоклонничеством интеллигенции, борьбы, которую Эвола сам пылко поддерживал, но в особенности потому, что Папини познакомил его со многими неитальянскими учениями. Два из них следует выделить особо: прежде всего, это восточные религии, затем – западный мистицизм, а именно Майстер Экхарт и Ян ван Рейсбрук. Благодаря такому знакомству была заложена основа для той потребности в кристальной ясности относительно всех религиозных и эзотерических вопросов и того отвращения ко всякому сентиментализму и экзотическому фанатизму в этой сфере, которые Эвола испытывал всю свою жизнь.

Однако прежде, чем мы рассмотрим эзотерические влияния, следует описать светские философские основания воззрений Эвола. В юные годы он увлекался в основном тремя мыслителями, поскольку мог всецело с ними отождествиться, пребывая в одной возрастной группе. Кроме того, все трое умерли очень рано: двое покончили с собой, а третий – Отто Браун – погиб во время Первой мировой войны. В них нашло отражение собственное стремление Эвола к самоубийству и смерти в целом, названное им *cupio dissolve* – желание саморазрушения. Он

---

² Полное имя барона – Джулио Чезаре Андреа Эвола. Сам он предпочитал именовать себя на латинский манер Юлиусом (Julius). В литературе и прессе первой половины XX века нередко он упоминается под своим «настоящим» именем, Джулио Эвола. – Прим. пер.

³ Julius Evola, *Il cammino del cinabro*, Milan, 1972, p. 15.

избежал суицида только благодаря знакомству с одним из разделов⁴ буддистского «Палийского канона».⁵

В первую очередь мы обратим внимание на Карло Михельштедтера (1887-1910). Его воздействие на Эвола, как он сам указывал, было более определенным и важным, чем даже влияние совершившего переоценку всех ценностей Ницше, чья острая полемика значительно усовершенствовала его собственный стиль. Михельштедтер происходил из еврейской семьи Гориции, городка на реке Изонцо в северной Италии. Сначала он изучал математику в Вене,⁶ но позднее углубился в живопись и греческую философию. На следующий день после написания своей диссертации «Убеждение и риторика» он застрелился. На такое решение, несомненно, повлияло мнение Михельштедтера о том, что ему нечего добавить к сказанному в этой работе. Эвола был близким другом одного из кузенов Михельштедтера и поэтому не понаслышке знал о тех событиях. Вскоре и этот кузен покончил со своей молодой жизнью, совершив самоубийство.

Фундаментальный смысл книги Михельштедтера состоит в требовании *persuasione*, т. е. убеждения. Под ним Михельштедтер подразумевает абсолютную достаточность Самости, которую полагает единственным реальным принципом в человеке. Пока Самость существует не сама по себе, но только в «другом», определяющем ее жизнь посредством вещей и отношений и, следовательно, поддерживающем элементы зависимости и потребности, нет никакого убеждения, но есть, скорее, отсутствие, подлинная смерть ценности. «Ценностью же обладает лишь то, что существует для себя, что утверждает принцип внутренней жизни из ничего и никого – автаркию». Так Эвола описывает суть философии Михельштедтера в «Очерках о магическом идеализме».⁷

Послушаем самого Михельштедтера: «Страх, который для большинства людей ограничен рамками некоей опасности, в действительности является чудовищным ужасом, каковой перед лицом бесконечной тьмы испытывает тот, кто при особых обстоятельствах чувствует себя утратившим сознание и бессильным, потому что уносится за пределы царства своего могущества».⁸

«Тот, кто боится смерти, уже мертв. Тот, кто хоть на мгновение желает, чтобы его жизнь была лишь его собственной жизнью, кто хоть на мгновение желает быть уверенным в том, что делает, должен схватить настоящее; он должен видеть все в настоящем как конечное, осознавая неизбежность смерти; и он должен создать во тьме жизнь из самого себя.

Смерть ничего не может взять у того, кто живет в настоящем, потому что ничто в этом человеке не нуждается в продолжении существования, ничто в нем не происходит из страха смерти... И смерть лишь убирает некогда рожденное. Она убирает то, что ухватилось уже за тот день, когда человек родился, то, что живет в страхе смерти из-за самого факта рождения».⁹

«Потому что в этом конечном настоящем он должен обладать всем и отказаться от всего, быть убежденным и убеждать, обладать собой, обладая миром, пребывать в единстве с ним».¹⁰

«Путь убежденности не принимается сразу (целиком). На этом пути нет дорожных указателей, которым можно следовать, его нельзя изучить или пройти им по чужим следам. Но все ощущают потребность в обретении данного пути, и мера этой потребности суть боль каждого;

⁴ В книге «Путь киновари» Эвола называет конкретный текст – *Majjhimanikâyo* (1, 1), в нем Будда перечисляет в порядке возрастания значимости признаки «благородных сынов», идущих к спасительному Пробуждению. – Прим. пер.

⁵ См. предисловие к «Восстанию против современного мира» (Julius Evola, *Revolt Against the Modern World*, Rochester, Vt., 1995, p. xv.)

⁶ О значении Вены в этом контексте см. ниже.

⁷ Julius Evola, *Saggi sull'Idealismo Magico*, Todi, Rome, 1925, p. 136.

⁸ Carlo Michelstaedter, *La persuasione e la retorica*, Milan, 1982, p. 60.

⁹ Ibid, p. 69.

¹⁰ Ibid, p. 82.

все должны вновь открыть для себя этот путь, ибо каждый одинок и может рассчитывать только на собственные силы. Есть только один намек относительно Пути Убеждения: не поддавайтесь чувству удовлетворенности от того, что вам дали (другие)». ¹¹

Принцип автаркии, о котором Эвола уже знал из мистических и эзотерических источников, нашел здесь свое философское обоснование и привел к авторитарному «Я» его философского периода.

Вторым мыслителем, которого следует упомянуть, был Отто Браун, попытавшийся провести анализ «*Заратустры*» Ницше уже в тринадцать лет и сказавший то, с чем вполне бы мог согласиться Эвола: «Очень странно, что Ницше никогда в полной мере не прививал мне принцип наслаждения жизнью, лишь принцип величайшего исполнения долга, однако, не в буржуазном смысле данного выражения». ¹²

В «*Очерках о магическом идеализме*» ¹³ Эвола сам дословно цитирует Брауна: «Но на пути к своей цели я буду с полной силой отдаваться всему, что выпадает на мою долю; такова для меня свобода воли». ¹⁴

Последующие отрывки также обнаруживают резонанс между мыслями Эвола и Брауна. Выдержка из письма Брауна к своим родителям за октябрь 1915 года: «Мне кажется необходимым то самообладание, которое в данном случае характеризуется правильной духовной позицией, – самообладание, страстно пылающее изнутри, но внешне суровое как кованая сталь, самообладание, прекрасно скрывающее неизмеримое. Когда я смотрю на наше государство, то этот символ бесконечности и всего того, что конечно, символ, на мой взгляд, особенно очевидный для других, символ, который я всегда несу в своем сердце, как святые несут имя Христово, предстает невероятно сильным, великим и обладающим совершенной формой, и вместе с тем преисполненным множеством движений и красочной игрой сил». ¹⁵

Стоит вспомнить эти слова, когда позже мы коснемся взглядов Эвола на государство. Указанный выше отрывок цитируется в «*Очерках о магическом идеализме*». ¹⁶

Отвращение Эвола к большевизму и американизму сложилось под влиянием сочинений графа Германа фон Кайзерлинга, а также следующего высказывания Брауна: «Если Германии суждено погибнуть, и мир будет разделен между Америкой и Россией (это означало бы смерть всего, что мы именуем нашими Богами)... всем нам... тем, кто еще любит этих Богов, по моему убеждению, было бы лучше покинуть мир, который станет столь несовместимым с нами, как это сделал Катон. Это время и его события так ужасны в своем размахе и могуществе, что всякая мысль воистину должна прийти в отчаяние, и только избавительный уход может нас выручить. Я до сих пор верю, что океан вновь чреват, как и в те времена, когда [Боги] отсекали серпом половой член Урана и бросили его в царство Посейдона, отчего из волн и пены родился Зевс. ¹⁷ Быть может, сегодня нам вновь следует ждать появления Бога, который возникнет таким же образом». ¹⁸

Следующий отрывок является очень точным описанием устремлений Эвола, и, конечно, основным эмоциональным ключом к пониманию того, что он, вопреки своим сомнениям, хотел видеть в восходящем фашизме: «Грядущая эпоха должна быть эпохой безусловного синтеза,

¹¹ Ibid, p. 104.

¹² «*Дневник Отто Брауна с отрывками из его писем и стихотворений*», запись от 14 сентября 1910 года (Otto Braun, *Aus den Nachgelassenen Schriften eines Fruhvollendeten*, Berlin, 1921, p. 21, англ. издание: Otto Braun, *The Diary of Otto Braun, with Selections from His Letters and Poems*, London, 1924).

¹³ Julius Evola, *Saggi sull'Idealismo Magico*, Todi, Rome, 1925, p. 144.

¹⁴ Otto Braun, *Aus den Nachgelassenen Schriften eines Fruhvollendeten*, Berlin, 1921, p. 148.

¹⁵ Ibid, p. 150.

¹⁶ Julius Evola, *Saggi sull'Idealismo Magico*, Todi, Rome, 1925, p. 143.

¹⁷ У Брауна именно так. Конечно, он путает Зевса с Афродитой. – Прим. пер.

¹⁸ Otto Braun, *Aus den Nachgelassenen Schriften eines Fruhvollendeten*, Berlin, 1921, p. 151.

позитивной и конструктивной по самой своей природе, создающей новые формы и продолжающей органичным образом отливать формы старые. И нет большей опасности, которой следует избегать, нежели комфортабельное отступление к существовавшим прежде шаблонам. Иначе невероятная воля, великолепная стремительность этой богатой, динамичной, необходимой эпохи... были бы уничтожены. Я глубоко убежден в том, что лоно грядущих лет породит удивительные вещи; нам повредила бы утрата восприимчивости к этим недавно созревшим силам, коей грозил бы пресный дискурс, наподобие беседы о возрождении религиозности. Я считаю святотатственным, даже дьявольским, предположение о том, что время... этих огромных экономических, политических и культурных переворотов... могло бы когда-нибудь вернуться к тихим водам христианства, консолидированного с помощью государства. Я, как и прежде, решительно не приемлю христианство».¹⁹

Теперь перейдем к третьему из этих мыслителей, к тому, кого Эвола, наряду с Ницше, называет «святым проклятым», поскольку ни один из перечисленных выше философов не был равным ему по силе мыслей. Духовный поток, который они носили внутри, уничтожил их из-за отсутствия сверхъестественной самореализации, сосредоточенной на трансцендентности; так, во всяком случае, считал Эвола. Этим третьим был Отто Вейнингер (1880-1903). Он жил в Вене, происходил из еврейской семьи и повлиял на Эволю больше всех тех, о ком мы говорили прежде. Культура *fin-de-siecle*²⁰ – причем не только в немецкоязычном регионе – носила след его воздействия. Уже в 1912 году появился первый перевод на итальянский главной работы Вейнингера «*Пол и характер*», произведя настоящий фурор, особенно в кругах, связанных с Папини. Сам Папини издал выдержки из этой книги и яростно обрушился на еврейство в собственном произведении «*Гог*», следуя за ходом мысли Вейнингера, которая не могла не произвести впечатления на Эволю. В 1956 году крупное итальянское издательство заказало Эволе новый перевод «*Пола и характера*», чтобы исправить ошибки старого издания и добавить к работе Вейнингера критический и библиографический материал.²¹

Влияние Вейнингера на Эволю простирается от этики до отношения к женщинам, от мыслей о государственности до позиции относительно иудаизма и расовых вопросов. Поздняя работа Эвола «*Метафизика пола*»²² задумывалась изначально как предисловие к «*Полу и характеру*» и его критика, но впоследствии разрослась настолько, что по праву стала отдельной книгой.

Приведем некоторые мысли из основного сочинения Вейнингера.

«Правдивость, чистота, верность, честность по отношению к самому себе – такова единственно мыслимая этика».²³

Данное суждение вполне могло бы быть высказыванием самого Эвола. Прибавьте к этому эпиграмму Хеббеля, которую цитирует Вейнингер (Отто Браун также интенсивно изучал этого драматурга):

*За что вы больше платите,
За ложь или за правду?
За первое вы расплачиваетесь самим собой,
За второе – в худшем случае, своим счастьем.*

¹⁹ Ibid, p. 156.

²⁰ Конец века (фр.) – Прим. пер.

²¹ Подробные сведения об этом можно найти в интересной книге Альберто Кавальона «*Отто Вейнингер в Италии*» (Alberto Cavaglion, *Otto Weininger in Italia*, Rome, 1982).

²² Впервые опубликована в Италии в 1958, позднее выпущена в США под названием «*Эрос и мистерии любви*» (Julius Evola, *Eros and the Mysteries of Love*, Rochester, Vt., 1983).

²³ Otto Weininger, *Geschlecht und Charakter*, Vienne, 1904, p. 206.

Далее: «Человек один в космосе и пребывает в вечном, бескрайнем одиночестве. Единственная его цель — это он сам; нет такой вещи, ради которой он бы жил. Он далек от желания быть рабом, от способности быть рабом, от необходимости быть рабом: глубоко под ним исчезло человеческое общество, изжилась социальная этика. Человек — один, *один*.

Но лишь теперь он, будучи совершенно один, имеет закон в себе, он и есть закон, а не случайное желание. И он требует от самого себя соблюдения этого внутреннего закона... Ничего нет над ним, одиноким, абсолютно одиноким. Но он должен подчиняться безжалостному категорическому императиву внутри, не допускающему никаких сделок с собой. Он взывает к Спасению...»²⁴

Также мы предлагаем вам ознакомиться с абзацем из главы «Проблема «Я» и гениальность», в которой Вейнингер слово в слово цитирует Шеллинга. Эвола тщательно изучал немецкий романтизм и Шеллинга в частности. Его определение Традиции обнаруживает, в дополнение к влиянию Генона, и влияние немецкого идеалиста.²⁵

«Все мы обладаем тайной, замечательной способностью уходить от превратностей времени в наше сокровенное «я», свободное ото всех внешних воздействий, и там, в форме неизменности, созерцать в самих себе вечное. Это созерцание является глубочайшим и уникальнейшим опытом, от которого зависит все, что мы знаем и предполагаем о сверхъестественном мире. Только такое созерцание убеждает нас в том, что нечто *есть*, тогда как все остальное, к чему мы применяем этот термин, лишь *кажется* существующим. Оно отличается от любого иного чувственного созерцания тем, что его источником может быть только свобода; оно чуждо и инородно по отношению ко всем, чьей свободы, стесненной переполняющей властью объектов, едва ли достаточно, чтобы породить сознание... В момент такого созерцания время и длительность для нас рассеиваются: не *мы* находимся во времени, но скорее время, или, вернее, чистая абсолютная вечность пребывает *в нас*».

Еще одно место в той же главе: «Тем не менее, явление Я суть корень всех мировоззрений».²⁶

Или так: «Поэтому нравственное деяние может заключаться лишь в действии, соответствующем некой идее».²⁷ К досаде многих националистических групп, в чем мы убедимся ниже, Эвола говорит: «Идея — наше отечество». Другая цитата из этой главы книги Вейнингера: «Человек становится гением через высший акт воли, следующий за утверждением целой вселенной внутри себя».²⁸

Постоянное обращение Эвола к мужественности в качестве категории, в противоположность маскулинности, конечно, также можно приписать воздействию Вейнингера. В книге «Юлиус Эвола. Личность и творчество» Адриано Ромуальди называет последнего «создателем идеи мужественности как метафизической сущности».²⁹ В данном контексте практически излишне упоминать о том, насколько позиция Эвола относительно женщины — в качестве метафизической противоположности мужчины, а также в политическом смысле — близка воззрениям на сей счет Вейнингера, ибо это более чем очевидно. Но Эвола был не единственным, кто считал «*Пол и характер*» эпохальной работой. Например, Август Стриндберг 1 июля 1903 года написал Вейнингеру такие слова: «Увидеть наконец-то проблему женщины разрешенной — это облегчение для меня...» В другом письме, к Артуру Герберу, он говорит: «Написанное Вейнингером не является мнением, это — открытие! Вейнингер был первопроходцем».

²⁴ Ibid, p. 210.

²⁵ См. мое предисловие к «*Герметической традиции*» (Julius Evola, *The Hermetic Tradition*, Rochester, Vt., 1995, p. xii).

²⁶ Otto Weininger, *Geschlecht und Charakter*, Vienne, 1904, p. 217.

²⁷ Ibid, p. 228.

²⁸ Ibid, p. 236.

²⁹ Adriano Romualdi, *Julius Evola: L'uomo a l'opera*, Rome, 1979, p. 17.

Среди прочих личностей, находившихся под влиянием Вейнингера, значились Альфред Кубин, Людвиг Витгенштейн, Франц Кафка, Роберт Музиль, Георг Тракль, Арнольд Шенберг и Томас Бернхард.

Кроме того, без Вейнингера было бы затруднительно понять взгляды Эволы на евреев (которые мы подробно рассмотрим позже). Иллюстрацией этого будут два категорических пассажа из «*Пола и характера*», суть которых то и дело ложится в основание собственных высказываний Эволы. Однако они касаются не вековых предрассудков, жертвой коих становятся и Вейнингер (несмотря на свое происхождение), и Эвола, а «метафизических категорий».

«Но сначала я хочу дать точное определение тому, что подразумеваю под еврейскостью. Она не имеет отношение к расе или людям, и меньше всего – к какому-либо узаконенному вероисповеданию. Еврейскость следует определять как духовное положение, психическую конституцию, каковая является *возможностью* для *всех* людей, но обрела свою самую грандиозную *реализацию* в историческом еврействе. Ничто не доказывает достоверность этого утверждения лучше, чем антисемитизм. Самые настоящие, наиболее арийские из арийцев, уверенные в своей арийскости, не бывают антисемитами. Они не могут даже понять враждебный антисемитизм... с другой стороны, в агрессивных антисемитах всегда можно обнаружить определенные еврейские черты...

Иначе и быть не может. Подобно тому, как мы *любим* в других только те качества, к коим искренне стремимся сами, хотя никогда не сможем их до конца достичь, мы *ненавидим* в других только то, что никогда не хотели бы узреть в себе, но что отчасти нам присуще. Люди не могут ненавидеть то, с чем у них нет ничего общего...»³⁰ И далее: «В действительности, когда я говорю о евреях, то никогда не подразумеваю отдельного человека или группу людей, но имею в виду человека вообще, то,

насколько он сопричастен идее еврейскости (идее в *платоновском* смысле). Определить смысл этой идеи является единственным моим намерением».³¹

Расовые идеи Эволы бесспорно отмечены этими воззрениями, отсюда следует его неодобрительное отношение к Ваше де Лапужу, Гобино и Чемберлену, то есть к отцам современного расизма.

Наличествующая в книге Эволы «*Люди и руины*» явно отрицательная характеристика вождя, отождествляющегося со своим народом, который подстрекает его на свершение «великих» деяний (наподобие Наполеона, а также, конечно, Муссолини и Гитлера), опять же отсылает к творчеству Вейнингера. Последний соотносит таких народных лидеров и трибунов с собственной классификацией проституции. Выдержка из «*Пола и характера*» проиллюстрирует это: «Ведь великий политик не только спекулянт и миллиардер, он еще и уличный певец; он не только великий шахматист, но и великий актер, не только деспот, но и подхалим; он не только протитутует других, но и сам является великой протитуткой. Не существует такого политика, такого полководца, который бы никогда не «снисходил» до людей, в основном – что не секрет – до половых отношений с ними. Место настоящего трибуна – в трущобах. Взаимодополняющие отношения с чернью являются неотъемлемой частью склада личности политика. Фактически, он может лишь использовать толпу; с прочими людьми, с личностями, он скор на расправу, если, конечно, глуп, или, если так же сообразителен, как Наполеон, то лицемерит, дабы сделать их безопасными для себя».

Данные сентенции грохочут, словно тяжелые удары молота; они высказаны в той догматической манере, на которую, по сути, способна лишь молодежь (Вейнингер написал это, когда ему едва исполнилось двадцать лет). Эти слова, должно быть, очаровали Эволу, находившегося в поисках Абсолюта.

---

³⁰ Otto Weininger, *Geschlecht und Charakter*, Vienne, 1904, p. 413.

³¹ Ibid, p. 415.

Фактор, оказавшийся решающим для враждебного отношения Эвола к евреям (в идеальном смысле, о коем упоминалось выше), – это постулируемая Вейнингером и самим Эволой (и, безусловно, его последователями) идентификация современности с еврейским духом. Вейнингер пишет: «Дух современной эпохи – еврейский, с какой бы точки зрения мы его ни рассматривали».³²

Затем он добавляет: «Наше время не только наиболее еврейское, но к тому же и самое женоподобное. Время, в котором искусство суть только тряпка для утирания его прихотей, оно приписывает художественный порыв животным игрищам.³³ Это время самого легкого анархизма; время, в котором у государства и правосудия нет смысла; время половой этики, время наиболее поверхностного из всех исторических методов (исторического материализма), время капитализма и марксизма; время, для которого история, жизнь и наука сводятся к экономике и технологии».

Именно против этой современности Эвола резко выступал с юных лет и даже метафорически сравнивал ее с метафизическим «злом». Как человек своего времени, он испытывал решающее воздействие современности, но боролся с ней (и соответствующими чертами собственной личности), видя в этом оправдание своего неприятия к евреям.

Мы завершаем раздел о Вейнингере ремаркой крупного сексолога Вильгельма Штекеля, который писал о нем следующее: «Итак, не следует осуждать гениальность, даже когда она демонстрирует патологические свойства, ведь лучше отдать предпочтение болезненному гению, нежели здоровой инертности».³⁴

О влиянии идей Фихте (Эвола неоднократно приводит отрывки из его «Нравоучения»), Оскара Уайльда и Габриеле д'Аннунцио можно упомянуть лишь мимоходом. Более пристальное внимание следует уделить Платону, Ницше, Шпенглеру и Гюставу Лебону.

---

³² Ibid, p. 451.

³³ Вейнингер, как Эвола и Шпенглер, был противником теории эволюции Дарвина.

³⁴ Цит. по книге Эмиля Луки «*Otto Weyniger. Его творчество и его личность*» (Emil Lucka, *Otto Weyniger. Sein Werk und seine Persönlichkeit*, Vienna, 1905).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.